

ХЕЛЬГА ВОДЖИК

МОНСТРЫ
ПОД
ЛЕСТНИЦЕЙ

От автора DC и Marvel

Хельга Воджик
Монстры под лестницей
Серия «NoSugar. Тьма»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69473959

Монстры под лестницей: АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-157294-5

Аннотация

Неожиданное наследство, случайная находка, зловещие сны и целая дюжина монстров!

Амбертон хранит свои тайны. Время здесь застыло, как в янтаре, слухи и легенды ползут мимо тихих улочек, будоражат ум и манят на поиски приключений. Макс с мамой получили шанс начать новую жизнь – неожиданно получили в наследство от деда дом в маленьком городке Амбертон. Для обоих переезд – это шанс начать новую жизнь. Вот только за фасадом свалившегося благополучия прячутся ночные кошмары и кровожадные птицы, в подвале скрываются монстры, и даже близкие способны на предательство. У Макса есть целое лето, чтобы найти ответы на эти вопросы, разобраться с наследием деда и спасти девочку, с которой он даже ещё не знаком.

Для широкого круга читателей.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	46
Глава 5	66
Глава 7	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Хельга Воджик

Монстры под лестницей

© Helga Wojik., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Моим племянницам Ангелине, Ксении и Мире

Монстр, который всегда с тобой – это ты сам.

Once upon a time

Not so long ago...

(Bon Jovi – Livin' on a Prayer)

Однажды, не очень давно

На одной очень старой лестнице живут монстры. Самые обычные, хвостатые и зубатые. С густой жесткой шерстью или чешуйками. На каждой ступеньке – свой. А всего ступенек тринадцать.

Чертова дюжина монстров – слишком много для одной лестницы, что охает и вздыхает под их толстыми и худыми, но неизменно жуткими телами. Но куда им деться? Приходится держаться каждому своей деревянной полоски. Ведь

внизу жуткий подвал, полный старого забытого хлама: коробок, стеллажей, ящиков... Ненужные вещи и воспоминания расплзлись и заняли каждый дюйм пола и стен. И все это нагромождение, муравейник отжитого, облюбовали мыши, пауки, ночные бабочки и многоножки. Армия насекомых и грызунов не пускает в свои владения чужаков.

Вот монстры и жмутся между мирами. Пол сверху, пол снизу, а если лечь на бок, то и по сторонам тоже. Полужизнь. Полумирье. Вместо зеленой травы и пряной от прелой травы земли тоже пол: бетонный, заливной и жутко грязный. Сделаешь шаг, и все увидят, опознают по следам, настигнут, поймают, вернут. Да и куда идти? Кругом камень и стены. Единственный выход – вверх. В дверь. Но она ведь всегда закрыта. Три поворота маленького синего ключика – и все монстры под замком.

Этот ключик хранится у двух бледных атласных пауков, что цепко держат все тайны дома. Они пахнут лавандой и злом. Густой запах страха и ненависти пропитал все вокруг, усыпив все светлое и доброе, что когда-то обитало в этих стенах. Давно. Очень давно.

Но сегодня я планирую устроить побег всей дюжины. А поможет мне в этом тринадцатый – самый милый монстр из-под кровати и мой друг.

Глава 1

Макс и два чрезмерно крупных знакомца

– Макс, не убегай далеко от дома.

Это моя мама, Кэролин или Кэр, и, как и положено мамам, она всегда беспокоится обо мне. Хотя я уже совсем взрослый. Я окончил начальную школу и готов вступить в новую жизнь, полную неумолимого веселья, кружка робототехники и, к сожалению, троллей вроде Бочки. Да, Бочка явно все портит. Может, он снова измажет мой ранец, или спрячет сменку, или чего похуже. А может, повезет, и его отца пригласят

работать в другой город, а Бочка перейдет в другую школу. Но об этом лучше не мечтать. Я уже слишком взрослый, чтобы верить в сказки.

Вообще все мои школьные беды начнутся лишь через два месяца. А пока судьба дала мне отсрочку. Следующие восемь недель я проведу в богом забытой деревне, именуемой городом, где есть все необходимое для счастья, кроме стабильного вайфая и исправного кондиционера.

Хотя пузатый телевизор тоже выглядит не очень. Пожалуй, даже хуже костей динозавров, что однажды мне удалось тайком потрогать. Пока Мисс Математика (которая была вовсе не мисс, а та еще гадюка) старалась одновременно не выйти из себя и превзойти себя. (Хотя, как по мне, это совершенно невозможно проверить одновременно). Ей не было равных в искусстве поимки и обезвреживания группы малолетних будущих гениев, преступников и наркоманов. Да-да, она так и говорила: «Мне все равно: вырастет из вашего детеныша подлец или гений – мой долг научить его математике и хорошим манерам». Первое было менее болезненно, а второе всегда шло в комплекте с длинной деревянной линейкой. Иногда мне казалось, что это средство внушения и обращения в лоно науки и уважения старших – с меня ростом и выпилено из какой-то жутко больночужой деревяшки. Возможно, даже магического толка. Не могу утверждать. Но в чем я был уверен: эта семейная реликвия передавалась по наследству только самым математически выверенным и гео-

метрически верным ведьмам, к коим Мисс Математика не только относилась, но и являла собой великолепный образчик строгости и несгибаемости. Как прямая, проложенная через две точки, она обладала прескверно прямолинейным характером без возможности принятия любых мнений, лежащих вне ее вектора.

Но, как вы поняли, мне бояться было нечего: что-что, а математику я знал получше многих моих сверстников. Мое детство прошло под гиперболы и параболы, что рьяно вычерчивал отец, прежде чем однажды исчезнуть. Истории с исчезновением – мои любимые. Многие, но не эта. И рассказывать о ней я не особо люблю. Совсем напротив.

Но прошлое и будущее сейчас отошли на второй план. Ведь сейчас я мчался по лугу, сбивая запоздалые одуванчики, пестрые головки цветов и нарушая покой всякой мелкой живности, явно не ожидавшей меня в гости. Мисс Математика не могла бы дотянуться до меня даже своей супер-линейкой – так надежно я был укрыт в глуши.

Выбившись из сил, я повалился на траву и утонул в небесной синеве. Зеленые стебли трепетали, полностью укрыв от меня горизонт. Я чувствовал себя исследователем неизведанных земель, первооткрывателем прерий, первопроходцем джунглей и даже немного Кусто, если допустить, что вокруг колыхнутся водоросли, а лазурь тропосферы – это прозрачные воды океана, в которых неспешно плывут огромные белые киты-облака.

А вы знаете, что синих китов осталась всего тысяча? Десять сотен добродушных гигантов против шести миллиардов людей. Вот кто-кто, а киты точно попадают на небо. Я верю, что там – высоко, в безбрежном просторе, они совершают свое большое путешествие. А вся эта вата туч – всего лишь прикрытие, как фальшивые бороды и парики. Хотя, может, на небе хватит места всем. И людям тоже. Оно ведь безгранично. Не то чтобы я верил в бога, но признайтесь: приятно считать, что твоя жизнь кому-то интересна. Кому-то могущественному и, желательно, доброму.

Вы, наверное, заметили, что я, похоже, состою не из восьмидесяти процентов воды, как каждый нормальный почти-взрослый ребенок, а из вязанок любопытных фактов, заковыристых слов и теорий, которые другим не только не приходят в голову, но и в целом не омрачают бытие. Я честно пытаюсь держать все это под замком, но временами безуспешно. И тогда Бочка и такие, как он, получают новый повод для издевок. В мире средней школы быть умным не очень разумно. Это только для мамы моя сила в моей любознательности, а для меня... Хотя, к черту Бочку! Когда надо мной такое небо, к чему выковыривать из памяти комья грязи?

Я достал миниатюрный пленочный фотоаппарат, направил объектив вверх и «щелкнул» небо. Внутри коробочки зашуршало, и пленка сделала шаг. Еще один монстр в мою коллекцию: белое пушистое облако, что так похоже на хвостатого буйвола. Коллекционировать монстров – это у нас

семейное.

Мне было шесть, когда я нашел снимок отца. Вот сейчас вы подумали, что мой отец – вылитый монстр. Не могу судить о его привлекательности.

Да и рассказ не об этом. Он (отец, а не рассказ) стоял на крыльце дома, где родился. Ему тогда было лет двенадцать. В два раза больше, чем мне на тот момент – колоссальная разница! Дом за его спиной уместился в кадр лишь малой частью. Верандой и дверью. Светлые доски – наверное, свежееккрашенные, – ведь, если присмотреться, можно различить оставленный валик и ведро. Пара горшков с цветами и темная полоска неизвестности – приоткрытая дверь. И глаза! Я точно увидел кого-то, но сморгнул и... этот кто-то исчез! Но мне не могло показаться – на этом фото мой отец был не один!

Ох, помню, как я нашел эту фотокарточку! Я не выпускал ее из рук целый день. Все пытался заглянуть в этот таинственный дом. Даже переворачивал пару раз. Иногда мне казалось, что из той зернистой тьмы на меня вновь кто-то смотрит. И тогда мурашки, бегающие по спине, становились на несколько градусов холоднее, волоски на затылке вставали дыбом... Притягательность неизвестности и того волнительного страха была столь сильна, что я боялся моргнуть. Ведь за этот короткий миг монстр из тьмы и мог показаться! У меня онемели пальцы, глаза жгло, словно в них песка засыпали, а ноги затекли. Но я сидел и смотрел, буравил взгля-

дом тонкую полоску неизвестности, тщетно пытаюсь войти в тот дом. И я увидел его! А когда увидел, то он словно застыл, прилип к фотографии и остался на ней. Я был поражен! Сердце колотилось, как дятел в лесу.

Я еле дождался прихода отца. Чтобы разделить с ним свою находку и спросить его, чтобы он впустил меня в тайну этого дома и фото, чтобы рассказал все его жуткие тайны!

Вечером, как было заведено, после ужина, когда мама ушла в мастерскую, отец поманил меня и, усадив на колени, взглянул на зажатый в моем кулачке артефакт. И тут все вопросы и слова будто высыпались из меня, как из решета, рассыпались по полу, и я лишь водил глазами и по-рыбьи открывал рот. Но задать тот самый вопрос не мог.

Отец улыбнулся. Я уже смутно помню его черты, и иногда от него остается лишь улыбка – немного грустная и кривая. Как у ковбоев в старых фильмах. Я боюсь, что пройдет пара лет, и кроме этой улыбки я уже не вспомню ничего. А мне бы крайне не хотелось менять отца на чеширского кота.

Так вот. Не дождавшись вопроса, отец сам начал говорить:

– Раньше не было цифровых фотоаппаратов. Нажимая спуск, я никогда не знал, что выйдет на фото до тех пор, пока в красном свете не доставал проявленную пленку и не развешивал на веревку отпечатанные снимки. Знаешь, Макс, ожидание, предвкушение, интрига – все это было у нас, и все это у твоего поколения украл прогресс.

Я не очень понял, о чем говорил отец. Меня тогда больше занимал другой вопрос. И я, наконец-то, смог выпалить:

– Где это? Кто это? – ткнул я в фото, указывая на силуэт в тени дверного проема.

Отец улыбнулся.

– Это дом, в котором я провел часть детства. А это мой друг. Славный малый, хоть и был немного диковат. Я звал его Атта. Однажды мы провели ужасно веселое лето.

– Атта, – завороченно повторил я, вглядываясь в размытый силуэт.

Имя было таким уютным, что силуэт из тьмы перестал пугать. Он был другом моего папы, а значит, не мог быть монстром. Жаль, мама тогда не увидела его, она, конечно, очень старалась, но это были поддавки. Знаете, что бы ни думали взрослые, но, когда они притворяются, мы притворяемся в ответ. Этакая игра, с взаимоуничтожением: ведь стоит высказать вслух сомнения и придется признать правду. А правда была в том, что мама считала Атту выдумкой, но не видела ничего плохого в «развитии воображения».

Этот снимок спрятан в хранилище памяти – так я зову мою коробку важных вещей. В прошлой жизни там был лишь чай, зато теперь – застывшие воспоминания. Чрезвычайно важные – «незабываемые». Даже когда коробки нет под рукой, я открываю жестяную крышку и пристально вглядываюсь... Я очень хочу узнать, кем был этот Атта. Может быть, с ним в экспедицию уехал мой отец? Одна беда – долгие годы

я не знал, где живет Атта. И что это за дом на снимке. Но теперь я уж точно его найду. Обязательно.

Я втянул запах луга. В городе так не пахнет. Даже в парке. В городе приходится вдыхать все, что угодно: от машин до чужих людей. Даже не знаю, что хуже. Я часто задерживал дыхание, стараясь пореже дышать. Мне казалось, что я полон чужих запахов – внутри и снаружи. Что я так пропитался ими, что от меня самого уже не осталось ничего. А на лугу все по-другому. Я хочу, чтобы все эти ароматы были внутри меня, чтобы я пах травой, жизнью, свободой, небом. Вот почему я втягиваю воздух полной грудью, наполняю легкие до самого края и затем хватаю еще немного ртом, как рыба, и раздуваю щеки. Это как налить какао с горочкой – невозможное мастерство, на которое способны только волшебники, а еще моя мама. Она мне и показала, что совсем на немного, на тончайшую ниточку, на паутинку какао в кружке больше, чем может поместиться. Она тогда сказала:

– Видишь, Макс, край – это не предел, когда над тобой бесконечность. Всегда старайся делать свое дело максимально хорошо и еще немного лучше. Не бывает достаточно, когда творишь, любишь и помогаешь тем, кто нуждается в помощи.

Моя мама умная, добрая, но иногда перебарщивает с заботой. Вот как сегодня. Ну, вот что может со мной случиться в этом чудесном месте? Это место как застывший кадр из старого фильма, фильма, в котором не происходит ничего,

кроме бега облаков.

Я сделал еще пару снимков проплывающих облаков. Еще одна вещь, которой учит пленочный фотоаппарат – это выбор момента: тридцать шесть кадров – это не тысячи цифровых снимков, и упустить важное можно, если растратишь все без меры. Но и жадничать не следует, ведь тогда можно всю жизнь прождать своего йети и остаться лишь при пустой нетронутой фотокассете и сожалениях.

Не думайте, это тоже не я придумал – это я услышал от отца. Хотя, может, он просто сказал: «расходуй с умом», а все остальное я додумал сам за все годы разлуки. Но знаете, я не сомневаюсь, что будь у моего отца шанс, он непременно дал бы мне совет наподобие этого, и когда я его найду (отца, не совет), я обязательно спрошу и даже сделаю вид, что подзабыл, как он там сказал пять лет назад. Или десять. Как повезет.

На зеленом стебельке серебрится ниточка паутинки. Меня накрывает тень.

И тут! Огромный нос тыкается мне в лицо и шумно втягивает воздух. Оторопь берет. Я сперва подумал, что это волк, медведь или нечто среднее, а в таких случаях верный шанс – притвориться мертвым. С этим у меня порядок. Еще бы сердце так предательски не билось о ребра. Чудовище чихает, обдав меня брызгами. Очень надеюсь, что я все еще сохранил запах города, и это меня спасет. Ведь город пахнет явно тем, что не вызывает аппетита и не рекомендуется упо-

треблять в пищу. Даже чудовищам.

Сквозь ресницы я пытаюсь по-шпионски следить за монстром. Жду, когда он уйдет от дохлятины, коей я притворился. Но зверь не отступает, он пробует меня на вкус: шершавый слюнявый язык не меньше полуметра длиной оставляет на моем лице гнусную слизь. Падальщик? Боюсь, мне не спастись. Споры чудовища уже укореняются в моих порах, а едкая слизь разъедает кожу. Силы покидают меня, кожа трещит, из нее вырываются жуткие жгутики смертоносных зомби-грибов...

– Эй, малец, ты живой?

Хриплый голос царапает лезвием ужаса позвонки. Я ошибался: это не монстр, это инопланетный захватчик! И он пытается вытянуть из меня все тайны мира. Лишь сильнее сжимаю челюсти и веки, но голос проникает в мой разум:

– Граф, отстань от ребенка.

Второй голос, точно такой же, как первый. Значит, их двое. Боюсь, я окружен, и я почти готов признать, что мама была права: это место слишком прекрасно, чтобы быть настоящим! Это иллюзия, липкая ловушка, в которую попадают, как мухи, очарованные красотой, недотепы вроде меня. Но тут же неоновой вывеской в угасающем сознании вспыхивают слова: «Никогда не сдавайся. Сопротивление – это уже победа». Кажется, это было мое печеньковое предсказание. А кто я такой, чтобы не верить печенькам?!

Настало время для Максимального Рывка. Я задерживаю

дыхание, сжимаю кулаки и, резко подскочив, собираюсь дать деру. И тут меня со всего маху бьет по голове один из врагов. Глушит как рыбу – так, что Млечный Путь среди бела дня закружил, как волчок, перед глазами, и я бревном рухнул обратно в траву. Что ж, умереть на лугу не так плохо. Мои останки дадут энергию василькам, а может даже на них вырастет клевер, и если повезет, то однажды случайный прохожий найдет четырехлистник и обрадуется, а значит, все будет не напрасно.

Но монстры не унимались: они нашли меня даже в моем посмертии и начали охаживать по щекам.

Голова раскалывалась, я с трудом разлепил веки. Странно, но мне удалось, а я до последнего думал, что они были зашиты. Из дымки забытья передо мной возникла ужасающая морда. Когда фокус восстановился, то монстр разделился на две неравные половинки и, обретя четкость, моему взору предстали старик и собака.

– Живой! – старик засмеялся. – Я уж думал, ты моему Графу все его собачьи мозги вышибешь своей кубышкой.

Дед легонько тюкнул мой лоб своей тростью (по факту – кривой полированной веткой).

– Ай! – вскрикнул я и потерял шишку, что уже успела оформиться голубиным яйцом.

Пес обиженно прижал уши и старался не приближаться вплотную.

– Простите, – я на девяносто процентов был уверен в сво-

ей ошибке, но оставлял одну десятую на то, что пришельцы продолжают меня дурить.

– Может, тебя домой проводить? А то лоб Графа – как камень, мало ли.

Я покачал головой, о чем сразу же пожалел. Обезьянка в моей черепушке от души ударила в литавры. Я зажмурился, а когда вновь вынырнул в мир живых, украдкой взглянул на пса. Снизу он казался огромным. Хотя не думаю, что что-то сильно изменилось бы, если бы я встал. Объективно, я был маловат для своего возраста, а Граф – крупноват для своей породы. Так что между нами была двойная фора, и оба раза не в мою пользу. Но попробовать стоило.

Я поднялся и успешно принял вертикальное положение. Старик тоже выпрямился. У меня закралось подозрение, что всему виной чистый воздух – именно он и способствует гигантизму обитателей этих мест.

– Не бойся, – старик улыбнулся и кивнул на пса. – Он не кусается.

Я, конечно же, не поверил. Не кусаются лишь беззубые.

– Я не боюсь, – максимальный блеф – мой конек. – Я люблю собак.

Что ж, второе было сущей правдой.

– Это волкодав? – оглядел я серое лохматое чудище.

Старик крякнул:

– Волков он не давил, но явно б мог.

«Такими лапищами и зубищами и медведей бы смог», –

подумал я.

– Держи, – старик протянул камеру.

Я даже не заметил, как выронил ее. «Только бы не разбилась», как заклинание, в голове прозвучали слова. Но слава мягкой земле и зеленому ковру трав – отцовская «стигма» пережила это падение.

Полностью удостоверившись в земной природе Графа и деда, я даже сделал пару снимков. Старик совсем не удивился, что кадры не всплыли моментом на экране, да и самого экрана не было. Часто прогрессу сложно пробиться через размытые грунтовки и панцирь лет, и тогда прошлое находит уютный уголок в самой глуши, где продолжает жить, застыв, словно стрекоза в янтаре.

Глава 2

Новый дом, что не дает защиты от прошлого

Попрощавшись с новыми знакомцами, я сорвал лист по-
дорожника, плюнул на него и приклеил к шишке. Вряд ли
это поможет избежать маминых причитаний, но попробо-
вать стоит.

Шагая к дому, где мы теперь живем, я думал о капельке
смолы, что медленно ползла по стволу доисторической сос-
ны и поглотила беспечную бабочку. Убив и обессмертив. За-
брав, возможно, последний день ее жизни и подарив милли-

оны лет неизменности. А вдруг это была та самая бабочка, от взмаха крыла которой могла измениться вся история человечества, не окажись она в янтарной гробнице? Или это была ее судьба: пережить динозавров и мамонтов, фараонов и ацтеков, две мировых войны и явить миру доселе неизвестного ученого? А может, стать самой прекрасной драгоценностью, ради которой будут гибнуть влюбленные, семейной реликвией или родовым проклятием? Как много вариантов предлагала бабочке смола... Но был ли выбор добровольным? Может, один день земной жизни стократ дороже благ посмертия?

Слишком странные мысли для того, кто даже еще не стал тинейджером. Но такова цена: когда твои друзья с ранних лет – взрослые и умудренные жизнью тети и дяди, вроде Жюль Верна или Альфреда Брема¹, поневоле стареешь куда быстрее. Но мысли о смерти и бренности бытия – это все равно лучше, чем вспоминать о школе. Ведь смерть – она где-то там, а школа через два месяца... Когда ты воспитываешься одним родителем, то получаешь в два раза больше вопросов о своей семье и проблем... А когда ты, будучи сиротой, отрицаешь это и пытаешься доказать, что отец скоро вернется, то рейтинг невыносимости школьных будней резко подскакивает вверх.

Добавьте сюда мои скромные физические данные и отлич-

---

¹ Альфред Эдмунд Брем – немецкий ученый-зоолог и путешественник, автор знаменитой научно-популярной работы «Жизнь животных».

ные отметки почти по всем предметам, где требовался ум, а не грубая первобытная сила. И получите неутешительный прогноз начала жизни в средней школе. Для тех, кто не понял: все верно, жилось мне как типичному задохлику и ботану. Я не хотел быть Ральфом, но еще меньше мне улыбалось разделить судьбу Хрюши². В этой игре жизни я предпочел бы держаться подальше от таких дикарей, как Бочка. Но, увы, система образования заставляет три дюжины мух непрерывно жужжать в одной банке на протяжении многих лет, и часть из них мутирует в ос.

Я жутко расстраивал маму, приходя домой с подбитым глазом. Но она даже не пыталась понять! Лишь злилась, а когда думала, что я не вижу, плакала. Я и правда не видел, но стены съемной квартиры были так тонки, что я слышал каждый ее всхлип. Словно стоял болваном рядом и не мог ничего поделать.

Со временем я понял, что вся ее злость была не на меня, не из-за того, что я слабый и не могу дать сдачи. Она плакала от своего бессилия, от того, что не может меня защитить. И это делало все лишь хуже. Будь у меня отец, он бы научил меня паре приемчиков, а в следующий раз, когда фонарь под моим глазом освещал мой путь, па бы спросил: «Надеюсь, ты вернул сдачу?». И я бы, криво усмехнувшись, ответил: «А то! Видел бы ты того парня!». И мы бы рассмеялись, под-

---

² Ральф и Хрюша – герои романа английского писателя Уильяма Голдинга «Повелитель мух» и кинофильма, снятого по его мотивам.

мигнув друг другу.

С мамой такую штуку не провернуть, это как с девчонкой на кладбище ходить. Каждая очередная стычка в школе дома оборачивалась трагедией. Я выслушивал речь о том, что не стоит нарываться, а мои доводы в расчет не брались. Мама была уверена, что любого конфликта можно избежать. Любого. И точка. А потом я слышал тихие всхлипы за стенкой, и мой нос зудел так, что соленая злость сама собой стекала из глаз на подушку. Так мы и плакали каждый сам по себе. Но зато радовались мы всегда вместе!

И этот луг был малой частью нашей огромной нереальной радости!

Я притормозил возле дома, прыгнул с велика и провел моего железного дракона через зеленую калитку. Ступив на мощенную галькой дорожку, я замер. Все еще не могу привыкнуть, что теперь живу здесь. Эта громада с янтарными квадратами окон – наш дом. Наш дом. Непривычно звучит после вереницы съемного жилья. Такой чужой, но наш.

Месяц назад пришло письмо. Я помню, как побледнела мама. Она рухнула на стул и прошептала: «Не может быть».

– Что там, ма? – спросил я, ребра сдавило так, словно я провалил все контрольные за год и узнал, что класс состоит из клонов Бочки. – Это от папы? Он возвращается.

Мама в тот миг повернулась ко мне. Но ее лицо было безжизненным. Обескровленным. Она словно призрака увидела. И у меня скрутило живот:

– Он умер? – на выдохе прошептал я.

– Нам повезло, – еле слышно проговорила мама, но голос ее звучал так, словно мы выиграли в лотерею, но на «Голодных играх».

Неожиданно разбогатеть, скажу я вам, тот еще шок. И мы испытали его по полной.

Мой дед по отцу, которого я никогда не видел, завещал нам этот дом... Формально документы еще не были переделаны, но дождавшись, когда я экстерном окончу класс, мы собрали то небольшое, что имели, и переместились в эту глушь.

Переезжать налегке легко. А у нас вещей было на одну развалюху «форд». Как мы только умудрялись раньше жить в доме, где у отца был кабинет и фотолаборатория? Или после его исчезновения наша жизнь пошла под откос? Или я это все тоже выдумал?

– Поживем там лето, а потом видно будет, – сказала мама и поставила последнюю коробку в раскрытую пасть багажника.

Подозреваю, дело было в очень плачевном состоянии нашего счета, иначе она бы никогда не согласилась. Ведь гордость иногда – последнее богатство, с которым труднее всего расстаться.

Милый, милый дом. Он был огромен: два этажа и чердак, а внутри комнат десять! Поместье, цитадель! Да тут можно целый класс поселить! А еще не один скелет замуровать в стенах, парочку уложить в подвале, а одного спрятать под лестницей на второй этаж.

– И это все наше? – присвистнул я, выйдя из машины и осматривая обвитый плющом особняк.

– Относительно.

– Это как?

– Как объяснил юрист, дом наш, пока мы в нем живем, но продать или сдать его мы не можем. Если поселимся в этой глуши, то ты сможешь пойти учиться в любую школу на выбор, хоть на другой стороне мира, – твой мертвый родственник все оплатит, но каждые каникулы ты должен возвращаться.

– Как-то все слишком сложно.

– И не говори: чую, эта старая развалина – с душком золотой клетки.

– А призраки в нем есть?

– Пошли, узнаем. Может, хоть познакомишься с дедом.

Ключи, как и было написано в письме (между прочим, с гербом и на благородной бумаге, словно не от деда, а от английского лорда), лежали под цветочным горшком с засох-

шей сиренью.

Замок щелкнул, и я переступил порог семейного гнезда.

К удивлению, внутри не было пафосной лестницы с портретами всех родственников в пяти поколениях, не было свисающих на цепях люстр, даже ковра турецкого не было. Довольно сдержанно, однообразно и... Скучно.

– Будь я призраком, еще бы подумал – остаться тут или нет, – скептически заметил я.

Кэр рассмеялась:

– Ну, раз бояться нам нечего, то расходимся и осматриваем территорию?

Я кивнул. Но уходить не спешил. Подозрительный Макс был начеку.

Мама критически осмотрела кухню и столовую, я с интересом – кабинет и библиотеку. Все как в рекламных буклетах: компактно, умеренно, без излишеств, но качественно и добротно.

На втором этаже ряд спален. Боковая узкая лестница на чердак и небольшая мансарда, где был установлен телескоп. Я заглянул и поводит трубой. Аппарат был направлен в самую даль городка. Кроме леса, там был лишь особняк в колониальном стиле. Я посмотрел вверх, через полукруглые окна, наползающие на потолок и открывающие прекрасный вид на небо. Мои познания в астрономии были скудны, но возможность понаблюдать за небом в тиши природы отозвалась зудом в затылке и ребрах. Это легкое покалывание в ос-

новании черепа всегда предвещало новое приключение. А про бьющихся в животе и грудной клетке бабочек знают все. Это как голод, только на сытый желудок и в паре со щекоткой.

Что ж. Судя по всему, дом деда стоял практически на отшибе. Немного на возвышенности, что позволяло окинуть взглядом весь городок. Я невольно залюбовался видом: игрушечные домики, зелень лугов, окантовка леса, серебряная змейка реки и зеркальное блюдо пруда. Все выглядело слишком нереально. Не город, а Хоббитон какой-то!

– Смотрю, уже облюбовал себе гнездышко, птенчик.

– Ма-а-ам, не называй меня так, – ненавижу, когда она относится ко мне, как к сопливому младенцу.

Мама подошла к телескопу и заглянула, поведив туда-сюда трубой.

– Твой дед, видно, любил наблюдать за соседями.

– Или за звездами, – пожал плечами я, все еще надувшись.

– Или за всем сразу, – рассмеялась она и взлохматила мне волосы. – Вот теперь – самый настоящий надувшийся воробышек.

– Кэр, кэр, кэрролин, – прокаркал я в ответ.

– Прекрати дразнить свою мать! – она наигранно состроила суровое лицо и уселась рядом со мной у окна. – Прости, что мы опять переехали.

– Все в порядке, ма, – бросил я дежурную фразу, но, подумав, добавил: – Хотя я даже рад: теперь у меня на десять

дней больше каникул.

– Ты ж мой ленивый гений, – и она вновь взъерошила мне волосы.

С минуту мы сидели молча, глядя в окно. Она смотрела вдаль, а я – на призрак ее отражения в стекле.

– Все-таки тут красиво.

– Угу, – кивнул я, поймав взгляд двойника мамы – Кэролин, впечатавшегося на окне. Словно она всегда была где-то рядом – та, другая женщина, которой я никогда не знал.

Может, в этом красивом доме она не будет плакать, а осенью я попаду в школу, в которой не будет Бочки. Неплохой план.

– И бесплатно, – ма нахмурилась. – Сможем поднакопить. Или хотя бы попробовать. Мне нужно лишь найти работу.

– Думаешь, она тут есть? – глядя на низкорослую и редкую поросль домов, усомнился я.

– Работа есть везде, – Кэр передернула плечами. – Хотя, возможно, в этом месте она передается по наследству, и нам придется кого-нибудь за нее убить.

Да, моя мама иногда любит мрачно пошутить. И мне это нравится. Она тогда смеется, и я смеюсь вместе с ней. Но в этот раз я был серьезен, а слова сами выпорхнули изо рта, как черные птицы:

– Ты можешь снова делать кукол.

Улыбка исчезла с лица Кэролин, и на лбу образовалась морщинка, сразу добавив лишних лет.

– Ну, или попробовать, – робко предложил я.

– Можно попробовать, – отстраненно согласилась она. –

Но...

Что следовало за этим «но», я так и не узнал. По дому разнеслась трель звонка.

– Пойду, открою, – мама встала, отряхнула джинсы и поспешила вниз.

Это вечное «но». Оно, как стекло, делит ее жизнь на до меня и после. Я так зол на нее за это «но». Я посмотрел на окно в надежде увидеть ту, другую Кэролин, но она тоже ушла.

Я мало знаю о прошлом моей матери. Она когда-то жила в Корвинграде. Может, даже родилась там. Сложно судить. Все, что удалось собрать – добыто в археологических интернет-раскопках, склеено из обрывков фраз и призрачных намеков редких гостей.

Единственный свидетель жизни прошлой Кэр – это Вивиан Пик. Я зову ее тетушка Ви, она почти моя крестная и, зуб даю, не пройдет и недели, как ее невыносимый «миникупер» разорвет серость этой глуши. Она вовсе не тетя мне по крови, не сестра мамы. Но очень давно ее знает. Они познакомились еще до моего рождения. Ви – владелица галереи «Полночь» (пишется как «1/2ночь»). Мы несколько раз в год совершаем бон-вояж на открытия выставок, которые она курирует. Если честно, самое славное в этой галерее – буфет в фойе. Две витрины с пирожными, аромат кофе и шоколада, высокие стулья на тонких изогнутых ножках. Еще там ши-

карный потолок — диковинный, текучий, словно подтаявшее мороженное. А вот экспонаты и картины... Тут как повезет. Все-таки я пока слишком мал, чтобы здраво оценивать современное искусство. Или уже достаточно взрослый, чтобы открыто говорить о своей нелюбви к нему.

Так вот. Я ведь даже не подозревал, что когда-то в этих залах Кэр выставляла свои работы! Представить только! Моя мать была всемирно известным кукольником! Ну, или около того. С заказами, участием в выставках и постоянной экспозицией в «Полночи». А Корвинград это вам не зачуханный городишко, это огромный город со старыми зданиями, густыми парками, где растут деревья, пережившие столетия. А сколько в этом городе легенд! Что ни шаг, так особое место с особой историей! И моя ма была частью всего этого!

Была.

Сейчас, копаясь в памяти, я вспоминаю это множество застывших лиц — словно существа из волшебной страны, что наблюдают за тобой из каждого угла. В нашем доме раньше было полно кукол. Но я как-то забыл, что она их делала. А может, и не знал вовсе. Или просто это перестало быть важным. Но тогда, полгода назад, это было открытием вселенского масштаба!

В тот день я подслушал разговор Кэр с Ви. Тетушка вышла из себя и выплюнула в лицо моей матери:

— Возьми себя в руки! Мы ждали почти десять лет, но ты продолжаешь жалеть себя! Ни одной куклы, ни одной искры

за все эти годы! А они ведь ждут? Ты разве перестала слышать или видеть? Ты не могла утратить свой дар! Ты не имеешь права его закопать! Ты хоть пыталась? Хоть раз садились за стол?

Воспоминания вернулись, захлестнули безжалостным потоком. Передо мной мелькали картинки того, как мать часами бездвижно сидит за рабочим столом, в своем волшебном мастерском уголке, но даже не берет в руки инструменты.

Все резко обрело новый смысл. Все эти «маме надо поработать» или «иди, поиграй» и десятки других способов отослать меня. А потом, после очередного переезда в еще более убогую нору, не стало места для кабинета, и мы продали стол. И теперь Кэр просто иногда замирала, глядя в окно.

Тот вечер так ярко отпечатался в памяти, словно он был вчера. На столе, на фоне дешевых обоев, светится старенький ноутбук. Смотрю на экран, но вижу лишь битый пиксель, который ползет поверх статьи о моей матери. Я словно провалился обеими ногами в холодную весеннюю лужу, не рассчитав глубины. Зачерпнул полные ботинки и теперь не знал, что с этим делать. Легкий озноб. От холода или от страха, а может – от злости на лужу и наивную веру.

И где-то внутри разгорается ярость. Я мог бы хвастать Кэр перед одноклассниками, а вместо этого она устраивалась на низкооплачиваемые работы, о которых стыдно говорить! Я никогда не просил крутых гаджетов, я знал: мы не можем себе их позволить. Но каждая ее кукла стоила дороже самого

крутого смартфона! А она просто сидела за этим проклятым столом, опустив руки! Я из кожи вон лез, чтоб порадовать ее: да, я был одним из первых по успеваемости в школе, но вот только это не добавляет популярности. Я был слабаком и неудачником. Я был никчемным, и в этом была ее вина. Она сдалась. Она тогда ответила Ви:

– Ты же знаешь, Ви, – голос сухой, как палая листва под ногами. – Пока он рядом, я не могу создать ничего. Я теперь мать.

«Я теперь мать». Эти слова пронзили холодным копьем. Это его вина. Он виноват в том, что ее жизнь не удалась. Я все испортил.

Я все еще смотрел вдаль, на поля и луга, но мыслями был далеко в прошлом. Почему-то в самые прекрасные моменты память всегда подсовывает свою ложку дегтя.

Я вспомнил, как прошлой осенью одноклассники, гогоча, в очередной раз бросили мне:

– А какой сын мог вырасти у неудачницы? Только такой же неудачник и слабак.

Небо было безлико серым, порывы ветра бросали мелкий колючий снег, а черные деревья тянули свои кривые пальцы-ветви, уже полностью лишенные листьев. Бочка и его свора давились от смеха. Их рты изгибались почти звериными оскалами, а покрасневшие от первого мороза лица пылали румянцем.

Я кинулся на них, рыча от злости. Я махал руками, нога-

ми, старался укусить их, порвать на клочки, пока не потерял сознание. Мне тогда разбили бровь и сломали нос. Но обиднее всего то, что где-то глубоко-глубоко внутри, в самом темном уголке меня – я был с ними согласен. И вот тогда и во мне что-то сломалось. Я ощутил пустоту и безысходность. Казалось, злость выгрызла всего меня изнутри. Оставив лишь пустой каркас, как у куклы. Безликий, с провалами темноты вместо глаз. Иногда я вижу в отражении не мальчика, а оболочку. Я пытаюсь загнать этого темного двойника подальше, но каждый раз он возвращается. И тогда весь мир теряет цвет, словно выцветшее фото. В такие моменты мне хочется сломать всю эту серость вокруг, мне хочется кричать, бежать, лишь бы вырваться из его рук, не чувствовать безнадежности. Я и Кэр – мы сломанные куклы. Две оболочки и два двойника в отражениях друг друга.

Иногда я думаю, что мы оба, я и моя мать, заложники друг друга, и мы тянем друг друга на дно, словно камень на шее. И тогда я чувствовал себя виноватым в ее неудавшейся жизни. А в следующий миг винил ее за свои несчастья. Я люблю ее, но мой темный двойник ненавидит то, чем она стала.

Интересно, а что думает она? Вдруг Кэр ненавидит Макса? Но я не спрошу. Ведь если бы она спросила меня, то сказал бы я ей всю правду? А часть правды? Мы бы вновь сыграли в поддавки, с взаимоуничтожением.

– Макс, я приготовила оладьи, и в этот раз без горелок, – звонкий голос прогнал тишину старого дома.

Я смахнул моего темного двойника, улыбнулся и отправился вниз. Кому нужна эта правда?

Глава 3

О черных оладьях и птицах

Я незаметно отскабливал пригоревшие бока оладий и обильно смазывал поврежденные участки джемом. Мама делала вид, что не замечает моих манипуляций. И нас обоих вполне устраивала этакая вежливая слепота.

– Непривычно как-то. Нас точно не выселят отсюда?

– Судя по документам, пока мы живем в этом доме, он наш.

– Странно как-то, ведь он нас совсем не знал.

Мать задумчиво поводила нанизанным на вилку кусочком

по тарелке.

– Мне иногда кажется, что он и сына своего не знал. По крайней мере, твой отец никогда не рассказывал об этом доме и своей семье.

Она отправила кусочек в рот, подумала и добавила:

– И в доме я не увидела ни одной фотографии.

– Может, это один из домов, и они здесь никогда и не жили?

– Возможно.

– Или ты плохо искала?

– Справедливо.

– Может, на кладбище поискать? – предложил я.

– Думаю, там он не в самом лучшем виде, – все оттенки черного – это про юмор моей мамы.

Я справился с очередным обгоревшим бедолагой в моей тарелке.

– А кто приходил?

– Соседская тетушка. Знаешь, из тех, которым до всего есть дело.

– Пирог принесла? – засмеялся я, вспоминая фильмы.

– Увы, лишь свой любопытный нос.

Мы еще поболтали на тему соседей, закрытых общин и маньяков, а после, совсем вымотанные переездом, эмоциями и сытным перекусом, расплзлись по комнатам.

И вот я свалился на кровать и уставился в потолок. Странно, но спальни оказались прибранными и готовыми к при-

ему гостей. Если библиотеку, кабинет и мансарду покрывала вуаль пыли, то кухня, гостиная и две комнаты на втором этаже сияли чистотой, свежестью, и в них даже пара комнатных растений нашлась, с еще влажной землей в пузатых глиняных горшках. Дом словно ждал нас. А теперь накормил, усыпил и проглотил.

От этой мысли стало неуютно. Покрывало резко впилося в кожу, потолок стал ниже, а узоры на обоях сложились в ухмыляющиеся зубастые рожи. И ведь не закроешь глаза! Всем известно, если зажмуриться, то монстры из плавучих обоев вытекут и сожрут. Поэтому я не выпускал их из виду, а от этого их оскалы делались лишь шире и кровожаднее.

Нужно подумать о чем-то другом! Немедленно переключить канал!

Жаль, с головой этот трюк не работает так же легко, как с телевизором. Но я смог заставить любопытство просочиться сквозь алые пасти чудовищ, наполненные белыми лилиями и черными завитками листьев. Я вытянул зудящую нить из закров разума, из той каморки с надписью «тайны, что не дают покоя», и теперь изо всех сил сматывал ее в клубок. Виток – письмо. Еще один – дом. Третий – дед. Четвертый – отец.

Монстры зашипели, зашуршали, свились клубками и втянулись в глубь стен.

Я выдохнул, продолжая наматывать алую нить слой за слоем. С каждой минутой в особняке я испытывал все боль-

ший интерес к личности деда. Я ни разу за всю свою жизнь не видел его. Да что говорить, я никогда даже не слышал о нем. И тут неожиданно он вторгается в мою жизнь. Живым мертвецом-добряком. На грани сна и яви посещение кладбища выглядело вполне себе идеей. Явно из тех, что стоит воплотить в жизнь.

Проваливаясь в сон, я попробовал представить, каким он мог быть. В воображении нарисовался этакий франт в цилиндре, но образ быстро наложился на копполовского Дракулу, и я прогнал его. Тогда я приладил моему деду бороду, надел на нос круглые очки и прочертил глубокую морщину на лбу. Подумав, сбрил бороду, седую шевелюру, оставил лишь тонкие брови, очки затемнил и пустил по шее татуировку змеи, кусающую себя за хвост. Получился очень нетипичный дед, с кучей тайн и проблем с законом. За составлением фоторобота человека, которого я не видел, меня и застал сон. Полуденный, ленный, некрепкий, как второй чай из одноразового пакетика.

Снились бесконечные лестницы и коридоры, закрытые двери и армия стариков, каждый из которых выдавал себя за моего родственника. А потом я словно смотрел на себя издалека. Маленький я бегал и карабкался, стараясь выбраться из кукольного домика. И не мог. Все старики рассыпались на части и оказывались на столе в свете лампы, а в тени сидела неподвижно Кэр с бессильно висящими руками...

– Мама... – я коснулся руки и отпрянул.

Кожа – ледяная, так что подушечки пальцев прилипли. От моего касания осталось три алых пятнышка. Они ползли по белой руке как божьи коровки. Я отступил на шаг и под ногой что-то хлюпнуло. Лужа. Я перевел взгляд – вода алая. И все прибывает. Руку жжет. Смотрю. Пальцы содраны в местах, где я притронулся к Кэр. Кожа сорвана, как если при сильном морозе схватить железаку. Кровь.

Божьи коровки вспорхнули, сделали пару кругов вокруг застывшей Кэр и опустились к ней на лицо. Алая лужа уже обняла меня за щиколотки. Ухватила покрепче размокшего прибрежного ила. Холод полз по телу и превращал в камень. Не сдвинуться, не отвернуться, даже глаз не закрыть. Я замерзал, обращался в лед. Ведь это так просто, особенно, когда внутри тебя восемьдесят процентов воды.

Единственное, что я мог – смотреть в лицо куклы, так похожей на мою мать.

Божьи коровки покружили, спрятали тонкие крылышки, шевельнули глянцем надкрылий и разделились. Две заползли в глаза, скрылись во тьме черных зрачков, а третья остановилась на лбу, ровно по центру. И тут раздался хлопок. Как почки вербы по весне, как крохотные мыльные пузыри. Насекомые взорвались. Три алых дорожки расчертили лицо Кэр. И кожа треснула, слетела белой скорлупой разбитой маски. Тьма выплеснулась на меня, выстрелила потоком узловатых черных ветвей, шипящих и жалящих, обвивающих и душащих. И лишь алые крылатые капли кружили на-

до мной, приближаясь и увеличиваясь в размерах, пока я не рассмотрел, что у каждой из божьих коровок было по трети от лица моей матери!

Я проснулся на краю дня. Футболка прилипла, голова гудела, во рту разверзлась пустыня. Я смотрел в окно и кошмар постепенно развеивался.

Его место заполнял мягкий закатный свет, пока полностью не выжег тени злого морока. Солнце коснулось горизонта и потихоньку принялось вытягивать щупальца лучей. Я любил это время суток. Свет становился необыкновенно теплым, и в этом золотом меду все преображалось. Казалось, еще мгновение, и откроются двери волшебной страны. Иногда я ругал себя за такие девчачьи фантазии, но глубоко внутри до сих пор ждал встречи с чудесным. Все же это гораздо лучше тех мест, куда меня иногда забрасывал сон. Единороги были куда приятнее, чем монстры из тьмы. Благо, мне хватало ума не рассказывать об этом окружающим. У Бочки и его свиты и без того хватало поводов для глумления. Хотя теперь я могу выбрать любую школу! Вот только в анкетах мест учебы не указывают число Бочек и места их обитания по классам и параллелям.

Встав с кровати, я подошел к окну и зажмурился в лучах заходящего солнца. Мгновение застывшей жизни! Подскочив как ошпаренный, я схватил камеру и кинулся наверх, в мансарду. Теперь, стоя у окна и окидывая взглядом дома, улочки, поля, мне стало понятно, отчего местные звали

свой городок Амбертон³. Сейчас все вокруг выглядело, словно вырезанное из янтаря. А каждый житель, как насекомое в смоле, застыл в красоте мгновения, ощущая прикосновение вечности. Фотоаппарат щелкнул. Я сделал еще снимок и сразу отвел взгляд от видеоискателя. Возможно ли когда-нибудь привыкнуть к такой красоте? Золотая парча небес, перламутр белых домиков, черные точки птиц. Хм, странно. Одна точка все увеличивалась в размере. Все ближе и ближе.

Птица неслась прямо на меня! Мгновение, и она врезалась в окно прямо напротив моего лица. Столкновение было столь внезапным, что я инстинктивно отпрянул и попробовал отгородиться руками. Стекло дрогнуло, выдержав удар, а птица камнем упала вниз. Но прежде, на долю секунды, наши взгляды встретились. В черных глазах-бусинах отражался не медовый закат, в них горел зловещий огонь.

Я посмотрел вниз – туда, куда упала птица, но не смог рассмотреть ее в траве. Когда же я поднял глаза, то заметил на стекле маленькую каплю крови, пульсирующую на солнце красным карбункулом. Осторожно прикоснулся к ней и ощутил в кончике пальца вспышку. Хоть это и была лишь игра воображения, но мне стало не по себе. Тонкое стекло, что отделяло меня от мира, было и защитой, и преградой. И я не знал, хочу ли разбить его или же спрятаться за ним. Капля поползла вниз, и меня пробрал холод.

---

³ Amber – янтарь (англ.)

– Что ты ищешь, малыш?

– Ма-а-ам, но я ж просил не называть меня так!

Кэр вышла на крыльцо и опустила на деревянный настил коробку с «малонужными» вещами: ловцом ветра, садовым гномом, кормушкой для птиц. Я помнил, что мы вечно таскали эту коробку при переездах из квартиры в квартиру. И, похоже, этот странный набор наконец-то дождался своего часа. Мама рассказывала, что у каждого дома есть душа, и она скрывается в деталях. Кормушку якобы сколотили мы с отцом, ловца она сплела сама, а гнома подарили еще ее матери – как охранника от злых духов. В последнее мне верилось хуже всего: этот гном был похож на тролля, за давностью лет он обзавелся шрамами-трещинами, а изначальный природно-фабричный его вид был больше рассчитан на отпугивание скорее живых, чем мертвых. Но Кэр, по непонятным для меня причинам, любила этого страшила нежно (и порою, казалось, даже больше меня), и вот теперь наконец-то могла поставить на почетное место у тропы в дом.

– Прости, ну так что ищешь-то?

– Птицу, – нехотя ответил я и продолжил осматривать траву возле дома.

– Птицы, дружок, большей частью предпочитают небо, а в траве можно найти лишь самых гордых из них – ежей!

Кэр расхохоталась. Это была ее фишка: смеяться над собственными шутками. Я выдавил из себя кривую улыбку:

– Я видел, как она врезалась в окно и упала.

– Может, уже оклемалась и улетела?

Кэр водрузила гнома, покрутила, чтобы вкопать его потертые временем ботинки в землю, и выпрямилась. Уперев руки в боки, она критически посмотрела на Бо. Так она называла этого уродца. И, похоже, осталась довольна.

– Не думаю, – упрямо возразил я и раздвинул палкой очередной куст травы, почувствовав, как уткнулся во что-то мягкое...

Мама подошла и заглянула через мое плечо.

– А вот и первый скелет нашего дома с призраками! – провозгласила Кэр. – Выглядит так, словно уже год тут лежит.

Она была права: перья запачканы грязью, а от тельца остался лишь выбеленный скелет.

– Смотри, тут еще одна. И еще...

Черные перья мешались с изумрудной травой. Огни заката плясали на них полночной радугой. А бледные кости черточками неизбежности торчали то тут, то там, словно кто-то рассыпал счетные палочки, да так и не собрал.

– Ма, а тебе это не кажется странным?

Кэр подцепила палкой (и когда я только успел ее передать?) еще один трупик.

– Ну да, – Кэр вздернула брови. – Пожалуй, мало приятного.

– Может, позвоним куда? – неуверенно спросил я, но Кэр словно не замечала меня.

– И еще две, от которых осталось и того меньше. Прямо птичье кладбище! Но все они явно не сегодняшние. Так что, Макс, не унывай: твоя птица, возможно, жива. А вот этих надо будет закопать. И мама, вернув мне палку, бодро зашагала искать лопату.

Похоже, ее совсем не удивилидохлые птицы в палисаднике. Я посмотрел на Бо. Он стоял, отвернувшись, и тоже не выражал интереса к происходящему. Видимо, это только мне кажется странным, что на клумбах вместо роз распустилисьптичьи трупы.

Я еще раз взглянул на белые косточки и черные перья в обрамлении ярко-зеленой травы, что светились в лучах заката. Затем поднял голову: прямо надо мной было то самое окно мансарды. Может, и правда оклемалась. Или мне показалось?

Один из последних лучей отразился и ударил мне в глаз так, что пришлось зажмуриться. Я почувствовал, как на щеку упала капля. Дождь? Но небо было чистым. Механически вытер лицо. Что-то липкое. Взглянул на руку: бурая кровь обозначила рисунок подушечек пальцев. Холодок прошел по спине.

Я растер вязкую жидкость и удивился стечению обстоятельств, соразмерности момента и моей вовлеченности в него. Было мгновение, когда я был готов поверить в фаталь-

ность случившегося, но здравый смысл поборол этот позыв. Этот голос убаюкал и успокоил: это всего лишь другая птица. Мало ли птиц, что ударяются в окна? А может, здесь это нормально. Они слепнут от солнца, что отражается от стекол, теряют ориентир и бьются. Не стоит волноваться. Ведь дохлые птицы – не люди. И даже не призраки. Птицы не представляют опасности. И я не буду вспоминать Хичкока.

«Иногда сны задерживаются в нашем мире чуть дольше положенного», – говорила Кэр, когда я просыпался среди ночи от кошмара. – «Просто научись их отпускать».

– Я отпускаю тебя, – начал шептать я, так, тихо, чтобы даже Бо не услышал. – Убирайся обратно в свою страну снов, на изнанку мира и оставь меня в покое!

Я не заметил, как выкрикнул последние слова. Где-то далеко с ветвей сорвались вороны и, гулко каркая, врезались в небо, неся за собою ночь.

* * *

В следующие несколько дней ничего не происходило. Мы обживали дом или дом нас. В любом случае, дел было предостаточно: от замены лампочек и портьер до покупки и рассадки бегоний, герани и традесканций по горшкам и окнам.

– Дом должен быть обитаем, и зелень в окнах – первый признак жизни, – говорила мама, а я не спорил: мне было плевать на молчаливых сожителей.

Но мой подоконник украсили не дети Флоры, а старинные и не очень предметы, что я нашел, осматривая дом. Из библиотеки перекочевали стопка книг и часы, из «обсерватории» — атлас звездного неба и дневник наблюдений. У меня были большие планы на чердак и подвал, но до них мы еще не добрались. Однако, чем больше времени я находился в доме, тем тревожнее становилось. Там, где раньше были лишь скучные стены и старомодные обои, проступали морочки лиц, а непривычный простор комнат заполняли слишком плотные тени. Мне лишь предстояло узнать, кому они принадлежат и каких монстров скрывают.

Глава 4

Подвалы, посылка и первые неприятности

Еще в первый день, осматривая дом, я заметил подвал. Огромный, больше моей комнаты, пыльный, захламленный, но с отдельным выходом в сад.

– Если хочешь, устроим тебе тут штаб, – улыбнулась Кэр. – Только сначала изгоним пыль, мышей и призраков прошлого.

Я удивленно посмотрел на мать.

– Базу? – неуверенно предположила она. – Логово? Лабо-

раторию? Как сейчас это принято называть?

– Думаю, «лаборатория» – вполне подходящее слово, – улыбка зацепилась и повисла между ушей. – Было бы круто.

– Но при одном условии: ты разгребешь весь этот хлам сам.

И, напевая что-то древнее и не модное, мама скрылась, а я остался с улыбкой, висевшей на одном ухе: лабораторию мне жутко хотелось, а вот проводить зачистку – нет.

Одно радовало – этот подвал не походил на ужасный, которым в жутиках принято награждать новых жильцов и пугать зрителей. Свет тут лился ровным мощным потоком, лестница была добротной и не скрипела, а хлам был вполне житейский, без кукол вуду и спиритических досок. Но скажу честно, у радости этой был тухлый привкус разочарования. Все-таки Любопытному Максy до жути хотелось ввязаться в какое-нибудь захватывающее приключение, раскрыть древнюю тайну, возможно, вывести на чистую воду местных не особо кровожадных культистов, а напоследок – найти клад! Наследство – это, конечно, прекрасно, но настоящий клад позволил бы выбрать дом и место на любой вкус! Может даже на другой стороне мира!

Но, как говорится, «от добра добра не ищут». И хотя мечты будоражили ум, но реальность диктовала совсем не привлекательные правила: чтобы найти клад, все равно придется поработать. Лень и сомнения капитулировали. Я натянул на нос бандану, вооружился метлой и прихватил пачку пакетов

для мусора. Я был готов сразиться с драконом, что древнее мира. Ибо имя ему – Хаос!

И надо было мне лезть в этот подвал! Внимание – спойлер! Не надо! С первого шага вглубь темного чрева дома начались мои беды – ведь именно там, среди динозавров прошлого, скелетов и останков чужой жизни, меня ждала коробка, вывернувшая мой мир наизнанку!

Когда первый черный пакет был забит до отказа старыми башмаками, невнятными банками, прогрызенной мышами ветошью, а второй – старыми ситечками, горшками, журналами, которые еще можно было сдать барахольщику, я отступил на шаг, чтобы отпраздновать первую выигранную битву в этой неравной войне, и тут же сел на зад. С размаху плюхнувшись на пол, я потерял зашибленную лодыжку, в которую предательски вгрызлось древнее зло.

Стиснув зубы, я пристально посмотрел на напавшего дерзтира и заметил обычную коробку, в которую без труда смогла бы поместиться средняя книга или три аккуратных пачки английского чая.

Дотянувшись до коробки, я подтянул ее к себе и стал разглядывать. Пыль въелась в картон, заломы и вмятины, похожие на морщины, пожелтевший тканевый скотч опоясывал ее со всех сторон, словно сухая змеиная шкура. Может, и проклятие наложено? Перевернув коробку, я с удивлением обнаружил почтовый формуляр и аккуратно выведенный адрес. Это была посылка!

Я осторожно потряс ее – легкая. Явно не книга, а если и книга, то маленькая. Поднес к носу, втянул запах и тут же закашлялся. Тайна пахла пылью!

– Что же ты скрываешь, и кто тебя послал? – поднявшись, я взял коробку и отправился наверх. Нога уже не болела.

Выйдя на крыльцо, я увидел Кэр, возившуюся с цветами. Похоже, она сажала их туда, где еще недавно валялись дохлые птицы. Не удивлюсь, если она их закапала поглубже, чтобы «удобрить» клумбу.

– Нашел что-то интересное? – поднявшись, спросила она.

Кэр стояла против солнца, и я не мог разглядеть ее лица. От этого на мгновение проступил призрак сна – натянул на мою маму бледную маску, заменил глаза черными провалами, расчертил лицо алыми трещинами...

– Ты в порядке? – заботливо спросила ма и, потянувшись, потерла пальцем мой лоб. – Измазался как поросенок, видно, дело спорится.

Прикосновение ее было нежным и теплым, а пугающую маску прогнал золотой солнечный луч.

– Ну, так что это у тебя в руках? – хитро улыбнулась ма. – Никак старая тайна дома на холме?

– Угу, – кивнул я. – Похоже, забытая посылка. Дедуля ее так и не открыл.

Кэр хмыкнула, подошла и уселась рядом.

– Надо же, и правда посылка, – удивилась она. – Интересно, сколько она пролежала.

Мы склонились над коробкой, как раньше над пазлом из тысячи кусочков, и стали рассматривать выцветшие чернила. Вот ма ткнула пальцем в дату, я прикинул в уме и воскликнул:

– Ого! Почти тридцать лет!

Тридцать – лет это немногим меньше, чем возраст моей мамы, то есть – целая вечность!

– Подумать только, – ма присвистнула и ткнула в адрес. – Только это не деду твоему посылка. Сосновый тупик, дом один. А наш дом в Сосновом переулке, дом один. Да и инициалы не подходят, как ни крути.

– Вот как! Странно это. Я не видел здесь ни одной сосны, а тут, как выяснилось, целых две улицы посвящены им.

– Ну, может, это отсылка к янтарию? – пояснила она. – Что-то вроде: «живица, смола, янтарь». Я тут и магазинчик видела с названием «Канифоль⁴». Это тоже смола.

– Мрак, – протянул я. – Может, у них тут Орден Семи Сосен.

– Мрак, – согласилась Кэр. – Предлагаю в него не вступать, чтоб не залипнуть на века.

Я рассмеялся. И клятвенно обещал не ввязываться в сомнительные общества.

– Значит, она не наша, – подытожил я.

– Ну, тут тебе решать. Можешь вскрыть и посмотреть, все-

---

⁴ Канифоль – желтовато-красное хрупкое смолистое вещество. Колофонская смола входит в состав смол хвойных деревьев.

таки ты нашел ее в подвале *нашего* дома. А можешь выбрать... или доставить.

– А где этот Сосновый тупик?

– А вот с этим нам явно поможет Марго. Она обещала мне показать лучшие места Амбертона. Как хозяйка хозяйке. Могу спросить.

– Да, пожалуй, – я повел плечами. – Наверное, будет правильно – доставить. Вдруг ее все еще ждут.

Наступила тишина. Не знаю, о чем думала ма, но я подумал, что, возможно, где-то там, тоже в каком-нибудь подвале, лежит письмо от моего отца. Письмо, которое просто затерялось в пути, в котором он рассказывает, куда отправился, и по которому я бы мог найти его след. Я подумал, что мне бы хотелось получить его сильнее всего на свете. И, может, если я доставлю эту посылку адресату, то вселенское колесо баланса, судьбы, фортуны чуть качнется и... В носу предательски защипало. Я сжал коробку сильнее и прокашлялся, словно от пыли:

– Пойду, закончу уборку, – сказал я.

Ма часто заморгала, будто мои слова выдернули ее из раздумий и, когда до нее дошел смысл, она кивнула и ободряюще улыбнулась, подняв оба больших пальца вверх.

Знаете, что я почувствовал, впервые увидев посылку? Восторг! Словно сокровище нашел! Древность, реликт, артефакт погибшей эпохи! А теперь? Теперь я даже не мог ногтем поддеть побуревшую от времени упаковку. Лишь смот-

рел на полустертые инициалы отправителя и получателя. Мне ужасно захотелось узнать, ждет ли еще свою посылку «А.Ш.С». И держит ли все еще за собой указанный абонентский ящик в Корвинграде некий «М.и. Б».

* * *

Это полное безумие – доставить посылку спустя тридцать лет. Хотя тридцать – это не триста. И до немецкого рекорда было ой как далеко. Надеюсь, в этой коробке столь же не важные вещи, как и письмо в Остхейм⁵. И надеюсь, там не конфеты и не печенье.

Марго не подвела! Эта приятная во всех отношениях соседка (я был подкуплен пирогом, виновен) рассказала ма не только как быстро пройти до Соснового тупика, но и поведала, что в городе полно «древесных» и «цветочных» названий. Не город, а ботанический сад! И да, сосны были в почете из-за смолы и связи с янтарем. А еще когда-то очень-очень давно в центре было посажено сосновое кольцо – по аналогии с мегалитами, там устраивали собрания (а вот и культисты!) и ярмарки. Сосны становились все выше и крепче, но

---

⁵ Речь о письме, которое было доставлено спустя 286 лет после отправки. Письмо было отправлено в 1718-м году главой Лютеранской церкви города Эйзенах (Германия) в близлежащий город Остхейм. Но по ошибке письмо было доставлено в другой Остхейм, расположенный недалеко от Франкфурта, где и осело в городском архиве. Спустя почти 300 лет ошибка была обнаружена, и письмо наконец-то прибыло по назначению.

потом случился какой-то местный бадабум, и за ночь всех их срубили. Но по легенде, коих Марго (по ее собственным словам) знала великое множество, ее пра-пра-прадед сам эти сосны видел и видел пни от них. Так вот эти пни не могли выкорчевать, ибо корни сосен так плотно сплелись под землей, опутав весь город и вобрав в свою сеть прочие деревья – древние вязы и дубы, молоденькие ели, хрупкие рябины... Так что до сих пор Сосновое Колесо оберегает Амбертон, хотя и находится теперь по ту сторону мира света.

– Звучит жутковато, – поерзал я, сидя за столом и поедая третий кусок очуменного персикового пирога.

Мама пригласила Марго на чай (с ее же пирогом), и добродушная соседка воодушевленно рассказывала о наследии предков. А я представлял, как где-то там под улицами и дорогами, под всеми домами и нашим в том числе, ползут кривые черные корни. Они извиваются, сплетаются, пронизывают всю «подошву» Амбертона, следят за каждым его жителем, вгрызаются в фундаменты домов, ползут по стенам, пробираются через окна и...

– Если хочешь, я провожу тебя, – улыбнулась Марго, и я подумал, что она бы стала отличной бабушкой, так как имела для этого полный комплект: кулинарное волшебство, успокаивающий голос, добрые «мягкие» черты и багаж классных жутких сказок!

– Спасибо, я сам, – ответил я и добавил. – Ваш пирог очуменен!

Марго поблагодарила. Но она и сама знала, что я не преувеличиваю. Я бы с радостью съел еще кусочек, но, увы, даже мой безграничный живот имел свой предел.

Я оставил Кэр с Марго на кухне, кинул коробку в корзину моего велосипеда и помчался навстречу неизвестности. В Сосновый тупик, к дому номер один.

— Эй, есть кто дома? — неуверенно позвал я и тихонько встряхнул коробку, в очередной раз пытаюсь угадать, что внутри.

Ответа не последовало. Вот в этот момент мне следовало оставить посылку, развернуться и уйти. Но какая-то злобная сила заставила мою руку нажать облезлый рычажок, звонко поднявший щеколду. Я приоткрыл калитку ровно настолько, чтобы ужиком прошмыгнуть вовнутрь. Вертя головой по сторонам, Бравый Макс двинулся к крыльцу. Хозяев, по всей вероятности, не было дома, и я успокаивал себя, что просто оставляю коробку под дверью, чтобы до нее не добрались дикие звери, соседские мальчишки, садовые гномы, черные птицы, непогода... Вот только это была полная брехня. Зачем я шел к дому, как осел за морковкой, я не могу объяснить. Но то, что этой коробке ничего не грозило, не вызывало сомнений. Она пережила тридцать лет, и один дождь ее бы точно не угробил!

Я шел и разглядывал дом. Это был тот самый особняк, что я видел в телескоп. Стоящий ровно напротив дома, в котором я жил. С первого взгляда невозможно было опреде-

лить, обитаем ли он. Окна не были разбиты, но краска облупилась. Калитка не заперта, но двор зарос травой. Из почтового ящика торчит ворох писем, но возле двери дюжина свежих пустых молочных бутылок.

Я достал камеру и сделал снимок, зажав коробку под мышкой.

Краем глаза я заметил, как за бутылками от стены отделилась тень и шмыгнула в дом.

– Может, тут живет одинокая старушка с армией кошек? – прошептал я, чтоб хоть как-то развеять гнетущую тишину.

Дорожка из камушков змейкой вилась к самому крыльцу.

– Эй, есть тут кто? – еще раз позвал я.

Мой голос прозвучал словно бы со стороны. Наверное, так и ощущают себя герои ужастиков.

Я продолжал звать хозяев, ответа не было, а ноги сами вели меня к дому. Вот я уже взялся за холодную круглую латунную морду льва и потянул. Приглушенно охнув, дверь поддалась, и я перешагнул порог. Бравый Макс робко вступил в полумрак просторной прихожей. Когда глаза привыкли, я стал рассматривать дом, совершенно забыв, что хотел всего лишь подсунуть коробку под дверь. Винтовая лестница уходила на второй этаж и, наверное, делая изгиб, вела на третий. Пыльная огромная люстра – может, даже хрустальная. Кожаный диван, рядом столик, на нем газета. Тут же увядшие цветы в вазе.

Вот этот дом вполне годился для рокового наследства! Тут

унылым призракам понравилось бы. Здесь и в подвале явно живут тайны! Ух, как же мне захотелось, чтобы именно этот мрачный особняк перешел нам с мамой в наследство, чтобы половицы протяжно скрипели от каждого шага, ветер был между стен, и сам дом словно ухал и стонал... Это длилось ровно пять с половиной секунд, а потом я вспомнил все те мрачные вещи, что случаются в фильмах и впервые порадовался, что мой дед был скучнее, а его дом без налета жути.

Я положил коробку рядом с газетой. Мельком взглянул на дату. Надо же! Свежая, сегодняшняя. Значит, тут все же кто-то живет. Однако ни старушки, ни кошек я не заметил. На дальней стене, над лестницей, в полумраке я разглядел квадраты и прямоугольники рам: с них, словно призраки, смотрели люди. Портреты владельцев?

Я сделал шаг, другой и вот уже стоял на ступеньке лестницы. Робко поднявшись, я посмотрел снизу вверх на потускневшую картину. С нее на меня без особого энтузиазма взирала дама в шляпе, на которую птиц ушло больше, чем погибло на газоне нашего дома. Взгляд у нее был надменный, тонкие пальцы в перчатках сжимали зонт, на лацкане приталенного жакета виднелась брошь с птицей. Рядом с ней соседствовал старик, похожий на Санту и Альфреда Брема одновременно. Я поднялся еще на пару ступенек и чуть не вскрикнул: картина улыбалась мне такой знакомой кривой улыбкой. Но, сморгнув, я встал на цыпочки и присмотрелся: скучающий мужчина средних лет, в черной тройке с часами

на золотой цепочке. В таком полумраке он, и правда, был похож на моего отца. Но, конечно же, это был не он. Этот умер слишком задолго до. Но вдруг...

В животе затрепетала надежда. Вдруг это мой дальний родственник, ведь в маленьких городках обычно все друг другу родня.

Портреты уходили вверх, но я решил больше не испытывать судьбу и, спустившись, направился к выходу. Я был почти у двери, но тут прямо за спиной раздался шорох. Я замер. Стало жутко, и опять заныло в основании шеи. Дурной знак. Одной рукой я взялся за дверную ручку. Сразу стало спокойнее: я вспомнил версию про старушку с кошками, облегченно вздохнул и оглянулся.

Я не поверил своим глазам. Сбоку от лестницы шло голубое сияние. Волшебный синий свет струился, рассыпался светлячками и таял во мраке дома. Все вокруг было таким старым и затертым, что это сияние ослепляло. Настоящее волшебство! Все позабыв, я пошел на свет. Передо мной была небольшая дверь сбоку под лестницей. Она была кричаще-синей и неуместной в этом черно-сером доме. Конечно, она не светила в том смысле, что не выпускала свет, но все равно приковывала к себе взгляд.

Наверное, туда и спряталась кошка, скользнувшая с крыльца. Я еще раз позвал хозяев, но как-то тихо и неуверенно, втайне желая, чтобы они не отозвались. Удивительно, сколь яркой была лазурь краски. В этом потрепанном до-

ме дверь неприлично выделялась ухоженностью, будто очутилась тут по ошибке. Неуместный предмет. Даже находясь в тени, синие доски загадочно мерцали. Круглая ручка была теплой и гладкой, и дверь легко поддалась, не проронив ни звука. За ней были густой мрак подвала и ступеньки, которые уходили вниз, в самую чернильную тьму.

Я пошарил рукой по стене в надежде найти выключатель. Пусто. Пошире открыл дверь, впуская робкий свет – а может, выпуская концентрированную тьму, разбавляя ее. Любопытный Макс робко заглянул вовнутрь. Но все равно было слишком темно, чтобы что-то разобрать, и тогда мне пришла безумная идея. Я достал камеру, включил вспышку и нажал на спуск.

В тот миг, когда яркий свет разорвал мглу, я увидел нечто, что заставило меня попятиться. Я сделал шаг назад, инстинктивно выставив вперед руку, до белых костяшек сжав фотокамеру, и тут же спиной уперся во что-то. Нечто до боли сжало мое плечо так, что я вскрикнул. Одновременно о мою ногу шаркнулось что-то лохматое – так, что мурашки наперегонки побежали по позвоночнику.

– Что за хорек опять проник в наш дом, Корв⁶? – заскрипел за моей спиной тонкий голос.

Железная клешня крепче сжала мое плечо и, дернув, извлекла из подвала, подняла в воздух и развернула на сто восемьдесят градусов так быстро, что картинка перед глазами

---

⁶ Кóрвин или Корв от лат. Corvus – ворон

слилась в сплошной серый туман.

Пол ударом вернулся под мои кеды, и я поднял глаза. Высокая, иссушенная, словно мумия, женщина, в шали поверх длинного прямого платья, которое делало ее еще выше, смотрела на меня водянистыми ледяными глазами. Ее руки, как два бесцветных паука, были сложены вместе, и длинные пальцы слегка шевелились, делая сходство с лапками мерзких членистоногих еще сильнее. Настоящая Паучиха из жутиков!

Жуткая дама возвышалась метра на два. Ее взгляд приковал меня к месту. Я даже не заметил, как тот, кого она назвала Корв, отцепился от меня и отошел, встав рядом с хозяйкой. В горле пересохло. От пронизывающего взгляда старухи я словно покрывался коркой льда. Мне стоило огромных усилий, чтобы разорвать эту связь удава и кролика и перевести взгляд на слугу. Худой, вытянутый, неопрятный, похожий на общипанную ворону, он был одет в костюм-тройку, из кармана жилета свисала цепочка. Не верилось, что этакое кукурузное пугало обладает бульдожьей хваткой такой силы, что пожелай он – спокойно вырвал бы двумя пальцами мою ключицу. Настоящий классический дворецкий-убийца.

Я окаменел: во рту словно песок, а в ушах звон колокольчиков. Паучиха, видимо, еще что-то спросила, и я неуверенно показал рукой на столик, где лежала коробка, и прохрипел:

– Я принес вам посылку.

Старуха повернулась и, все так же держа спину ровно, колонной поплыла по залу. Остановившись возле стола, она провела рукой по адресному ярлыку.

– Долго же ты доставлял ее, маленький грызун.

Все так же нереально медленно и плавно дама проплыла мимо меня, не поворачивая головы, лишь скосив жуткие рыбы глаза в мою сторону. Длинный подол полностью скрывал ноги, делая движения еще более похожими на скольжение призрака.

– Корв, выпроводи нашего гостя вон. У него нет времени на чай.

Не менее жуткий, чем его хозяйка, тип бесцеремонно подтолкнул меня к выходу. Он был как косматый засушенный зверь с пылающим яростью взглядом. И насколько его хозяйка была идеально причесана, настолько ее слуга был растрепан.

Уговаривать меня покинуть этот зловеющий особняк не потребовалось. Лишь на пороге, чувствуя лучики солнца на лице и некую безопасность, я развернулся, взглянул на жуткую парочку, которым еще бы вилы в руки – и на картину к Вуду⁷, сжал кулаки и крикнул:

– Хорьки не грызуны, они хищники!

Старуха вынула из замка синей двери ключ и, зажав в ру-

---

⁷ Картина Гранта Вуда «Американская готика», созданная в 1930 году. Один из самых узнаваемых (и пародируемых) образов в американском искусстве XX века.

ках-пауках, бросила на меня презрительный взгляд. Я же, прыгнув кузнечиком через три ступеньки крыльца, пустился прочь. Моя миссия была выполнена.

Пробежав метров триста, я упер руки в колени, жадно хватая ртом воздух. Бравый Макс не на шутку испугался. Сердце колотилось как бешеное. Кровь стучала в ушах так, что я даже не услышал шелеста колес по дороге.

– Все в порядке, молодой человек? – голос ударился в мою спину так, что я вздрогнул.

Я поднял глаза и увидел перед собой усы, а потом уже прилегающего к ним человека, выглядывающего из потертого синего пикапа. На черных, как смоль, волосах у правого виска была белая, как снег, прядь. Впервые такое видел! Бросив взгляд на форму и значок, я кивнул:

– Так точно, офицер.

Усач усмехнулся:

– Не видел тебя раньше, ты из Соснового переулка никак?

– Угу, – кивнул я, дыхание почти пришло в норму.

– Подбросить до дому? – Усач словно сканировал меня своим пристальным взглядом, а полуулыбка нервировала меня: словно этот тип знал, что я тайком обшаривал чужой дом.

– Спасибо, я сам, – я попытался выдавить из себя открытую и приветливую улыбку, но, кажется, вышло не очень.

– Хорошего дня, – Усач дотронулся до виска и отвернулся к рулю.

– И вам, – выдохнул я, глядя вслед шуршащим по грунтовке колесам.

* * *

Конечно же, я не рассказал о произошедшем матери. Отделался быстрым «доставлено», взлетел наверх и бухнулся на кровать, тупо уставившись в потолок.

Мне было стыдно и страшно. И облечь случившееся в форму значило признать случившееся. А я хотел обо всем поскорее забыть. Но выкинуть дом и его странных нежилецов из головы было ой как непросто. Я повстречал чудовищ и чудом остался жив!

Я так и провалился в кровати до вечера, сполз только на ужин. Сегодня у нас была пицца. Покупная, что немаловажно. И это резко улучшило мое настроение.

– Как прошло?

– Ты о чем? – умеет же Кэр все испортить.

– О твоём почтовом приключении, – Кэр кощунственно скручивала кусочек пиццы в трубочку, делая из него пародию на буррито и разрывая сердце каждому из четырех черепашек-ниндзя.

– Отнес, и все! – вспыхнул я. – Ничего интересного!

Подскочив, я вылетел из-за стола и, забежав в комнату, что было сил хлопнул дверью.

Ночью я не мог сомкнуть глаз и лежал, пялясь в потолок.

Тут не как в городе, где ночи светлы настолько, что видны все предметы в комнате.

И одно отличие от дня – в окружающих предметах нет цвета. Городская ночь изрядно потрепана фонарями, неоновыми вывесками, фарами бесконечных авто и витринами магазинов. Максимум, на что она способна – залить мир серым. Тут же, в глуши, в маленьком городке Амбертон, чернильная тьма, и лишь звезды с луной робко противостоят ей. Сегодня полнолуние: выйди во двор – и каждая травинка будто вырезана из фольги. Но моя комната с другой стороны, и Луна не заглядывает ко мне. Поэтому в комнате темно, как в смоляной бочке. И рассматривать потолок можно лишь весьма условно. Я всматривался в перетекающую надо мной тьму и силился уснуть. Отара овец разменяла третью сотню. Сон не шел. Еще пара сотен в поголовье...

Но стоило лишь начинать засыпать, падая в огромную кроличью нору, где нет начала и конца, как передо мной возникли бледные руки-пауки, ползущие по стенам. Пять длинных лапок на каждом плоском брюшке, одетом в кружевные манжеты, с ярко-красной гранатовой пуговицей, похожей на каплю крови или глаз птицы. Ноготки на пальцах-лапках стучали по стене. Цок-цок-цок. Эти бледные руки подкрадывались все ближе и ближе. Замирали у самого лица в хищном прыжке. А после впивались в глаза, скребли и царапали.

Забившись и запутавшись в простынях, я проснулся. Волосы прилипла ко лбу, а по спине бегали мурашки.

И вновь я смотрел в ночь. А ночь смотрела на меня. Каким-то чудом мой усталый мозг все-таки провалился в забытие, вывернув из-под носа бледных старушечьих пальцев. Проснулся я совершенно разбитый, как после болезни. Кое-как пережил день, занятый ничегонеделаньем. С Кэр я не разговаривал, но холодную пищу доел.

Следующей ночью кошмар вернулся. Но к рукам и манжетам добавились еще часы дворецкого.

Я вновь был в пыльном логове Паучихи. Вот только оно стало больше, или я уменьшился. Между входной дверью и лестницей образовалась огромная площадь. Каменный пол покрывали волнистые узоры – то ли пыль, то ли мрамор. Я ступал босыми ногами, двигаясь к синей двери, когда заметил что-то блестящее. Небольшие карманные часы светились золотым огнем среди всего этого серого монохрома. Я подошел и поднял их. На золоченой крышке ворон раскинул крылья, а в его клюве ключ: похожий на египетский анх, но с бородкой, как у обычного ключа. Но стоило мне открыть крышку, как стрелки на циферблате бешено закрутились. Я бросил хронометр и отступил. Корпус начал увеличиваться и достиг размера блюда, а стрелки со звонким «бзыньк» отпали. Все замерло лишь на мгновение, а после стрелки начали удлиняться в обе стороны, уткнулись в корпус, прорезали его и вынырнули шестью лапами. И тут корпус начал дрожать, превращаясь в механического жука. Крышка раздвоилась, стекло поднялось – и вот это уже крылья, которые

с треском разворачиваются, а стрелки-лапки чистят и расправляют их, прежде чем гротескное чудище сорвется с места, устремившись прямо в мое лицо, нацелив острые металлические стрелки-жала в мои глаза.

И, как часто бывает во сне, я могу лишь смотреть на приближающуюся угрозу. Парализованный ужасом каменный Макс-болван. Еще миг – и мне конец. Жук напоминает мне птицу, что неслась на меня. Но сейчас меня не защитит окно. Я скован сном. Я устал. Я сдался. Я закрываю глаза...

Вдруг черная молния сбивает золотую и, рыча, катится по полу. Недолгая возня, и лохматое существо с когтистыми лапами расправляется с часами, как калан с морским ежом. Шестеренка катится по полу, я замороженно наблюдаю за ее бегом. Хочу посмотреть на моего спасителя, но сон тает, и я просыпаюсь.

Глава 5

О ночных кошмарах и библиотечной пыли

– Макс, завтрак готов, вставай!

Открываю глаза и жмурюсь от света.

– Иду, мам, – хрипло кричу на пределе возможностей.

Новое утро, а я выжат, словно и не ложился. Приснится же! Хотя последние ночи я сплю ужасно. И Кэр, видимо, тоже. Иначе откуда синие круги под глазами и этот сочувствующий и понимающий взгляд? Она даже не спрашивает, как мне спалось. Все и так видно.

Но иногда вижу, что она что-то рисует в альбоме. Украдкой. А если вдруг замечает меня, то прячет. Тайно надеюсь, что это ее «проекты». Сейчас, когда не надо думать о том, как оплатить жилье, когда вокруг такое «умиротворение», она должна вернуться к своим куклам! Просто обязана!

Протираю глаза кулаками и опускаю ноги на пол.

Что-то острое впивается в пятку. Взвизгнув от боли, тру ступню. Янтарный луч падает на пол и заключает в объятья маленькую медную шестеренку. Выпучив глаза, смотрю на нее. А она словно подмигивает, блеснув, хищно алея каплей моей крови.

* * *

В отличие от ночей, дни проходят чудесно. Даже однотипная идиллия не в силах испортить больше настроение. Кэр с того вечера не спрашивала про посылку, я тоже почти не вспоминал этот ужасный инцидент. А память постепенно сгладила острые углы, отшлифовала и оставила лишь самую комфортную часть: Бравый Макс выполнил Миссию Древних и доставил Священный Артефакт на край света в руины Старого Дома. Старый Дом, как и положено оплоту тайн и сил, неподвластных разуму смертного, встретил героя испытанием. И, конечно, Бравый Макс прошел его и остался жив! Ну а то, что не сразил Паучиху, так это потому, что проявил, как и подобает героям, сострадание.

И все бы ничего, если бы не эти сны. Но каждое утро солнце отгоняет ночные кошмары, поджаривая даже память о них. А как я люблю полуденный сон в тени вяза! Этот коренастый верзила, словно сошедший со страниц сказок, раскинулся вблизи нашего дома. Тень под ним дружелюбная – достаточно редкая, чтобы сплести монстров, но вполне пригодная для прохлады и защиты от зноя.

Одна беда: стоит звездам взойти, а мне залечь в кровать, как я вновь погружаюсь в липкий ужас ночного кошмара.

Надо что-то с этим делать! Весь день я готовился к бою, и сегодня вооружен. Светильник уточкой вставлен в розетку и испускает спасительный слабый свет. Книгу не почитать, но монстров Кромешной Тьмы прогнать – в самый раз.

Это сокровище из кладовой Дракона, так я назвал подвал-лабораторию. Ведь для подвала он был недостаточно утоплен в земле, а для лаборатории в нем не было никаких приборов, досок и схем. После первичной уборки и пары выкинутых мешков началось самое интересное!

Чего я только не нашел! Книги и игрушки, стеллажи и коробки, полные всякой всячины... Ценность многого преувеличена, но порою попадаются настоящие бриллианты! Вроде портативного радио в деревянном корпусе. Мmmm. Порою мне кажется, что я даже чувствую запах той эпохи, когда этот пузатик был в центре внимания, заменяя «эти ваши интернеты» и ТВ. Еще я нашел пару катушек фильмов. Вот бы и проектор откопать! Мой ретро-Клондайк! И я чувствовал

себя, словно на грани обнаружения золотой жилы.

Но сколько бы я ни искал, нет никаких семейных альбомов, ни одной фотографии, ни тетради. Ничего о моем деде и отце. Словно они никогда и не жили в этом доме. Но это невозможно! Ведь когда я смотрю на старый снимок, который мне дал отец, дверь дома за спиной мальчишки кажется такой знакомой. И чем больше я всматриваюсь, тем сильнее верю: это именно тот самый дом, в котором мы живем.

Я не сдаюсь. Я найду след. А по нему отыщу и его самого. Завтра пойду в библиотеку – может, там, в старых газетах или архивах что-нибудь найдется.

А пока я сижу в унылом робком свете древней уточки и боюсь уснуть.

– Эх, – не удержавшись, вздохнул я.

– Эх, – отозвалось эхом.

Волоски на затылке встали дыбом.

– Кто здесь?

Я вжался в спинку кровати, подтянув колени, и пожалел, что в довесок к ночнику не прихватил из подвала битую (только потому, что биты там не было).

– Кто?

– Выходи! – не совсем желая этого, крикнул я и замер от ужаса.

– Оди, – отозвалось эхо.

Раздалось бормотание, причмокивание, и дальний конец одеяла натянулся и начал сползать вниз.

Я заорал что было мочи. Позорно. Как маленький. Но мне было плевать. Я орал, как потерпевший, и спустя минуту, которая растянулась в вечность, щелкнул выключатель. Спасительный мягкий свет разлился по комнате, и в тот же миг я почувствовал тепло маминых объятий. Запах сирени, рыжий вихрь волос и обволакивающее чувство защищенности.

– Все хорошо, это лишь сон.

Мама гладила меня по спине и успокаивала. Я хотел сказать, что не спал, но слова застряли в горле. Сквозь слезы я видел, как тень юркнула за платяной шкаф. А затем я уткнулся в плечо ма и разревелся. Я спрятался от всех бед. Ее руки были самой надежной преградой от всего плохого. И если зло сможет пробраться через них, то меня уже ничто не спасет. Хотелось снова стать маленьким, чтобы, забравшись в кровать к родителям, не бояться ничего. Я плакал долго – казалось, вся моя горечь, обида и боль решили пролиться одним сплошным ниагарским водопадом.

Я знал, что наутро мне будет неловко, но сейчас мне хотелось лишь, чтобы мама продолжала гладить меня по спине и говорить ободряющую нелепицу.

* * *

За завтраком мы не обмолвились о произошедшем. Мы молчали, ковыряя неровные кругляши теста каждый в своей тарелке. Но, казалось, в незримой стене между нами образо-

валась трещина.

– Очуменные оладьи, ма! – набив полный рот, похвалил я Кэр.

Она улыбнулась.

– Нет, правда, – проглотив очередной кусочек и запив соком, продолжил я. – Они сегодня реально не пригорели. И на вкус не как стельки ботинок, а воздушные и мягкие...

Я замолчал, осознав, что комплимент явно ушел не в то русло. Кэр же засмеялась. Звонко и радостно.

– Максимально точно и справедливо, Макс. И знаешь, отчего они такие вкусные? – Кэр прищурилась и хитро улыбнулась. – Все дело в одном маленьком секрете.

И она наклонилась ко мне, по-шпионски понизив голос до заговорщицкого шепота. Я инстинктивно подался вперед и напряг слух.

– Их принесла соседская тетушка Марго.

Кэр откинулась на спинку стула, хохоча.

Я обескураженно переводил взгляд с тарелки на маму и не мог подобрать слов. Мои уши пылали огнем, словно два адских вулканических беса танцевали джигу.

– Но теперь я знаю, что мой сын думает о моей стряпне, – Кэр перевела дух. – И что он чертовски сильно любит меня, раз столько лет стойчески жевал стельки ботинок и не возмущался.

Она смахнула слезы, что всегда выступали у нее при сильном смехе:

– А самое интересное, когда это он успел действительно пожевать стельки ботинок, чтоб узнать их вкус?

Кэр встала, чтобы налить себе еще одну кружку кофе.

– Кстати, это именно она наводила тут порядок.

– Спасибо ей, – засмеялся я. – Надеюсь, ты ее не уволила?

Она нам еще пригодится.

– Воистину, – отсалютовала кружкой Кэр. – Чем займешься сегодня?

Я подцепил последние два кусочка вилкой: раз это не левел-ап мамы, а разовая акция от соседки, не стоило упускать момент.

– Хочу наведаться в местную библиотеку и побольше узнать о городе, раз уж мы тут останемся.

– А книг деда тебе мало? – удивилась мама и была права: стеллажи кабинета были забиты томиками в кожаных обложках.

– Я там уже смотрел – сплошные мертвые классики, – пожал я плечами. – Заодно посмотрю, вдруг в местной библиотеке есть полочка с детскими детективами.

– Туше⁸, – кивнула Кэр. – Явно с чем-чем, а с детскими детективами у твоего деда было туго, – и спросила: – Тебя подвезти? Я как раз собираюсь кое-что прикупить. Думаю на вечер приготовить стейки – отметим наше заселение в новую

---

⁸ От франц. «*touché*» – дословно «коснулся», фехтовальный термин, означает нанесение укола во время тренировочного или демонстрационного боя, так же у борцов туше – укладывание на лопатки. В речи употребляется в значении «одиноль», в пользу собеседника.

жизнь.

– Было бы здорово! – искренне обрадовался я и добавил с сомнением: – Может, тогда еще и пиццу для подстраховки? Если вдруг ты будешь жарить мясо без Марго...

– Мой сын в меня не верит, – наигранно вздохнула Кэр. – Ладно, будет тебе пицца, если в этом месте есть пиццерия...

– Думаешь, все настолько плохо?

– Амбертон. Янтарный град, – задумчиво произнесла Кэр. – Надеюсь, мы не мухи для него. А то все эти истории о спутанных корнях и шепчущих деревьях.

– Шепчущих деревьях? – я наострил уши.

Кэр закусил губу, явно жалея, что затеяла этот разговор, но потом махнула рукой. Все-таки она была в курсе, что я утайкой читал и Короля ужасов⁹, и «Остров доктора Моро»¹⁰.

– Байки-жутики из моего детства, что все деревья одного леса связаны, и их связь подобно мицелию грибов, и иногда самые восприимчивые слышат их шепот. Идут на зов и пропадают.

Облачко набежало на солнце, и в комнате потемнело. Тень накрыла маму, и я увидел безвольную женщину с опущенными руками из моего детства. Это длилось лишь мгновение, и вот тучку унес ветер, а Кэр вновь смеялась:

– Что за лицо, малыш? Ты словно призрака увидел.

---

⁹ Имеется в виду американский писатель Стивен Кинг.

¹⁰ Роман английского писателя Герберта Уэллса.

– Не называй меня так, – показательно рассердился я и, допив на ходу сок, побежал наверх за рюкзаком.

* * *

Библиотека находилась в самом центре, словно приклеенная к обручу небольшой круглой площади. Должно быть, тут раньше и росли те самые сосны, что теперь подземной сетью корней душат городок. Я старательно вглядывался, но никаких мемориальных табличек не заметил. Да и что я надеялся на них прочесть? «На этом месте возвышалась чертова дюжина деревьев, из века в век орошаемая кровью случайно заглянувших в город путников»? Кроме библиотеки, по периметру расположились ратуша с архивом, почта, загадочное черное здание с надписью «Клуб». Чуть далее – начальная школа, за поворотом – рынок с открытыми торговыми рядами, улочка с магазинчиками и жилые дома. Это все я успел разглядеть, пока Кэр колесила, разыскивая магазинчик, в котором накануне вместе с Марго покупала вырезку.

Магазинчик она так и не нашла. По крайней мере, до того, как посадить меня.

Листая старые газеты, я напряженно вглядывался в пожелтевшие страницы, сальные пятна чьих-то рук, смазанные буквы. Я взял самые древние из имеющихся: вековой давности. Их листы были плотные, хлопковые, и краска сохранилась гораздо лучше, чем на более поздних бумажных потом-

ках.

Я сам не знал, что ищу. Может, упоминание о трагедиях, подозрительных убийствах, пропажах... Я так неистово хотел оказаться в эпицентре загадочной истории, что тужился всеми силами отыскать хоть намеки, крупитцы того, что создаст канву моего невероятно захватывающего приключения.

Может быть, будь у меня брат или сестра, ну или хотя бы лучший друг, я бы не был предоставлен сам себе в такой ужасающе полной мере. И будь эта простая человеческая связь, я был бы занят обычными детскими делами, будь то игра в мяч или салки, ну или, на худой конец, всегда рядом был бы тот, кто мог покрутить у виска, охлаждая воображение, и с кем неизменно стыдно делиться планами на свое уникальное предназначение. Хотя, кого я обманываю! Будь у меня такой замечательный друг или брат, мы бы вместе придумали и реализовали сотни восхитительных миссий! От домика на дереве до ракеты!

Но я был один и мог себе позволить пуститься во все тяжкие самостоятельной организации собственного досуга: строить планы и мечты, в которых нашлось место даже пришельцам – правда, на весьма второстепенных ролях.

Это была первая причина для посещения библиотеки. Вторая – меня разрывало любопытство относительно содержимого Паучихиной посылки и подвала. Что могло быть в той коробке? Похоже, я начинал жалеть, что не заглянул в

нее. А еще я с волнением думал о синей двери. Затаив дыхание, представлял обитателей тьмы под лестницей и на ней. А потом вновь возвращался к коробке и задавал вопрос: как могло произойти, что посылка пролежала три десятка лет в подвале.

И отчего мое природное любопытство не взяло верх? У меня был снимок. Один кадр. Всего один. И я надеялся – удачный. До конца пленки оставалось полкассеты. Но именно ожидание окутывало особым таинственным флером начало моей истории.

– Привет, фотограф!

Я вынырнул из омута мыслей. Передо мной стоял подельник Графа. Долговязый старик уселся напротив.

– Не рано ли тебе читать газеты, юноша? – засмеялся он, кивнув на пачки. – Да еще в таком количестве. Они не только портят аппетит, но и вызывают апатию, – старик вздернул бровь и добавил. – А от старья еще и клещей подцепишь.

– Клещей? – брезгливо сморщил я нос и убрал с газеты руку, на автомате оттирая ее о штанину.

– Клещи, плесень, грибок – тут им вольная воля, – глаза старика хитро шурились под кустистыми бровями. Шляпу он не снял даже в помещении. – Ну, так что ищешь?

– Хотел побольше узнать об этом месте, – сказал я почти правду.

– И как, узнал?

– Не особо.

– Не особо или не то, что хотел?

Я заерзал на стуле, а дед хитро ухмыльнулся:

– Тогда тебе стоит взять из архива нашу местную газетенку – ее закрыли лет десять назад, но до этого она собирала как раз такие истории, какие любят ребята твоих лет или выжившие из ума старики вроде меня.

Дед подмигнул так, что все складки и морщины его лица резко обозначились, натянулись как сеть, и вот мгновение – и в ее центре возник белесый паук-глаз.

– Мы звали ее Шутиха, так как временами она публиковала материальчики, которые трещали похлеще петард, брошенных в огонь.

– А вы давно тут живете?

– А то! Полвека и еще немного: уезжал, но вернулся – мы все в этом городишке прокляты и привязаны к здешним полям и холмам. Словно пустили корни.

Мне почудилось, что старик не шутил – что он, и правда, жалел или злился на эти узы.

– А дом на окраине? В Сосновом тупике?

– О, уже познакомился с гнездом Паучихи? Наверное, и ее прихвостня тогда видел. Чего тебя туда носило? Держись от них подальше.

Дед поднялся, нахмурился, и, будь мы на улице, он обязательно бы злобно сплюнул, но в библиотеке сдержался – лишь пожевал обветренные губы, сдвинул брови еще сильнее и, поправив потертую шляпу, двинул к выходу, постуки-

вая палкой.

«В нем метра два, не меньше», – подумал я, провожая его взглядом. Почему-то этот вытянутый силуэт напомнил о моих ночных кошмарах. Ничего конкретного, просто привкус. Как иногда ветерок приносит запах из прошлого, и во рту появляется вкус молочного коктейля или черничного пирога. Холодок пробежал по спине.

– А как называлась-то газета? – запоздало крикнул я, и тут же зажал рот руками.

Я выскочил из-за стола, покосился на конторку, за которой сидела библиотечкарь. Но она даже головы на меня не подняла, даже глаз не скосила поверх очков. Да чего там! У нее даже очков-то не было!

Я схватил ворох газет, еле дотащил до стола сдачи и, бахнув, со всех ног побежал вслед за стариком, надеясь, что этот трехногий великан не успел уйти далеко.

– Пойдите, – закричал я, увидев старика на улице.

Старик остановился, положил руки на посох и дождался меня. Рядом уже вился Граф – сегодня он выглядел еще больше. Пес вывалил язык и, виляя хвостом, потрусил ко мне.

Я запустил пальцы в жесткую шерсть пса, почесал зверя за ухом.

– Вы оставляете его одного на улице? – удивленно спросил я.

– Нет, это он позволяет мне иногда одному захаживать в

разные местечки, чтобы пропустить пинту пивка или поговорить с любопытными носами, вроде твоего.

– Ну, так что? – я наклонил голову набок, прищурился и так хитро, как игрок, удерживающий флеш-рояль, спросил: – Вы знаете все-все в Амбертоне?

– А ты упорный малый, – крикнул старик, смерил меня цепким взглядом, но не стал открывать своих карт. – Может, и не все, но побольше некоторых.

– Если так, то скажите мне, как пройти к кладбищу?

Глава 7

Мертвецы и вороний погост

Хоть поиски в библиотеке и не принесли ничего, кроме пыли (про клещей я старался не думать), я планировал вернуться туда и попытаться отыскать Шутиху. Но не сегодня. Сегодня я шагал в компании старика и огромного пса в самое зловещее и таинственное место любого города. Туда, куда никто не хочет попасть, и откуда, попав, уже не уйти.

Городское кладбище. Мрачное, суровое и страшно притягательное. Это точно будет настоящим приключением.

– Знаешь, малец, – рассмеялся дед. – Как-то не собирался

я туда пока.

– Вы меня доведите, а дальше я сам, – Бравый Макс иногда слишком самонадеян.

Старик хмыкнул, а я, выждав пару секунд, спросил:

– А про клещей – правда? – эта мысль просто не отпускала меня.

– О да! – старик остановился, оперся на свою палку и прошептал. – Была одна история. Жуткая, как уханье совы в полночь, и колючая, как мелкий снег февраля.

Я весь напрягся, уши на макушке, глаза пошире:

– Расскажите!

– Даже не знаю, – старик потер подбородок. – А ты не слишком мал для таких история?

– Я в самый раз для таких историй! – залыбился я. – Зуб даю!

– Не разбрасывайся зубами, – покачал головой дед. – А то прогневишь зубных фей, и дантисты оставят тебя без штанов.

Я рассмеялся.

– Значит, про книжных клещей?

Я энергично закивал, и старик начал рассказ. Его голос шуршал как листва на ветру, иногда поскрипывал как старые ветви, но слова впивались в мой разум и оседали красочными образами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.